

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

УДК: 340.12=826

ПРАКТИЧЕСКОЕ СХОДСТВО РЕАЛИЗУЕМОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ДЕМОКРАТИИ ЕЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ, ОРИЕНТИРОВАННОМУ НА МЕНЯЮЩУЮСЯ СРЕДУ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

ДОМАКОВ В.В.

В статье показано, что практическая реализация в Республике Беларусь интересов общества по принятой в мире схеме западной «квазидемократии», по сути, близка к теоретико-правовому представлению демократии, ориентированному на меняющуюся среду хозяйствования. Отмечено, что в мире любая власть базируется на собственности, а потому в основе демократии, должна лежать публичная и частная собственность, которые и являются теоретико-правовой основой демократии. Их введение в принципе меняет структуру собственности, исключает фиктивную необходимость деления власти на ветви и четко определяет функции социальных институтов только по управлению (распоряжению) объектами собственности в интересах общества и его предприимчивой части, а также пользованию ею.

: демократия; квазидемократия; собственность; публичная собственность.

REAL SIMILARITIES IN DEMOCRACY OF THE REPUBLIC BELARUS TO ITS THEORETICAL AND LEGAL PRESENTATION, ORIENTATED TO CHANGING ENVIRONMENTS MANAGEMENT

DOMAKOV V.V.

ABSTRACT

The paper shows that the realization of the interests of the society in the Republic of Belarus according to the global standard of the Western «quasi-democracy», in fact, close to the theoretical and legal notions of democracy with orientation to the changing environment. It is noted that any power in the world is based on the property, and therefore democracy should be based on public and private property, which are the theoretical and legal basis of democracy. Their introduction basically changes the structure of property, eliminates the need for a fictitious division of power on branches and clearly defines the function of social institutions according to the management (disposal) of the various objects in the interests of society and its entrepreneurial part and the usage of it.

Keywords: democracy; quasi-democracy; property; public domain.

Проблемы демократии, как правило, связываются с государством, которое по Аристотелю предназначено для реализации трех основных функций:

- обеспечить возможность предприимчи-

вой части общества получать прибыль (наживу) за счет большинства населения;

- поддерживать с учетом менталитета общества жизнедеятельность большинства на уровне достаточном для извлечения из него

прибыли;

- стабилизировать такую ситуацию

в предположении, что после обогащения предприимчивой части общества сразу же наступит благоденствие большинства. В рамках государства демократия всегда обеспечивалась соответствующими государственными режимами, при этом основным критерием классификации государств по признаку демократизма являлись формы и методы осуществления государственной власти, которая базировалась на собственности на землю и средства производства. К настоящему времени накоплен значительный опыт и активно продолжают научные исследования именно в этом направлении. Применительно к стабильной направленности социально-экономической сферы, под которой понимается общество и экономика (хозяйство страны), связанные хозяйственными отношениями и удовлетворяющие жизненные потребности людей, проблемы демократии нашли отражение в работах Н. Н. Алексеева [1], С. С. Алексеева [2, 3], Е. М. Бабосова [4], С. В. Васильева [5], С. Г. Дробязко [9], Г. Еллинека [10], А. Г. Лукашенко [14], В. С. Нерсисянца [17], Ю. К. Толстого [18], В. Н. Хропанюка [20], Й. Шумпетера [21] и многих других.

Известно, что критерием истины является практика, и пример такого государства как Республика Беларусь подтверждает, что, реализуя указанные выше три основные функции государства, можно и при стабильной направленности социально-экономической сферы получить результаты, сравнительно сходные с теми, которые характерны для демократии как таковой. Это подтверждается в частности тем, что реализуемые высшим руководством Республики Беларусь указанные функции государства в тяжелейших кризисных условиях рынка оказались направлены, прежде всего, на обеспечение интересов белорусского народа.

Сложившееся в Республике Беларусь положение, по сути, является реализацией одного из первых государственных режимов, базирующихся на идее «вождества», которое активно использовалось во времена конунга Рюрика. Тогда «вождество» воспринималось как иерархически построенная власть, исходящая не столько из господства

властвующей элиты над обществом, сколько из необходимости служения ему [11, С. 33 – 35] для обеспечения его жизнедеятельности и воспроизводства. После смерти Рюрика к власти пришел конунг Олег, который, опираясь на идеи «вождества», объединил под своей властью множество языческих славянских племен (полян, древлян, кривичей, ильменских славян, а также северян и радимичей), а затем отказался от идеи «вождества» как таковой и наложил на славянские племена тяжелую дань. С тех пор с его легкой руки иерархически построенная на Руси власть стала исходить только из господства властвующей элиты над обществом, которая и была реализована в функциях государства. Надежда на появление доброго вождя, заботившегося о своем народе, пережила века, и люди до сих пор мечтают о правителе, который бы реализовывал иерархически построенную власть, исходящую, как и при конунге Рюрике, не столько из господства властвующей элиты над обществом, сколько из необходимости служения ему.

В этом плане реализация функций государства, проводимая Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, вполне подтверждают возможность реализации в отдельно взятой стране «вождества» и в наше время при ориентации на стабильную направленность социально-экономической сферы. На сегодня Республика Беларусь полностью электрифицирована и газифицирована. Каждый год для одного из 16 районов выделяются бюджетные деньги, на которые производится ремонт дорог, жилых зданий, детских садов, яслей, школ и т. д. Показательно также и высказывание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, который на предложение Президента Российской Федерации В. В. Путина о необходимости срочно завершить в стране приватизацию ответил, что Беларусь не против приватизации вообще, но надо посмотреть, насколько она будет полезна белорусскому народу ...

В то же время в странах Запада, где «вождество» не было реализовано ни разу, постоянно слышатся высказывания о том, что Республика Беларусь авторитарное государство, а потому в ней нет, и вообще не

может быть демократии. Здесь речь, безусловно, идет не о демократии как таковой, а именно о «западной демократии», которая представляет собой всего лишь квазидемократию, которая ничего общего не имеет с общепринятым пониманием демократии.

Целью работы является выявление практического сходства результатов реализуемого в Республике Беларусь при стабильной направленности социально-экономической сферы «вождества» с возможными результатами, которые могут быть получены при использовании общепринятого понимания демократии в условиях меняющейся среды хозяйствования.

Демократия (др.-греч. *δημοκρατία*) буквально означает «власть народа» и происходит от др.-греч. слова *δῆμος* — «народ» и *κράτος* — «власть». Именно как «власть народа» с указанным смысловым наполнением эта базовая категория всегда и воспринималась мировым сообществом [7].

Такое понимание демократии восходит к Древней Греции, где в античных городах-полисах верховной властью обладало собрание, включающее в себя всех равноправных граждан, число которых редко превышало 10000 человек, при этом женщины и рабы гражданских прав не имели, а потому, по сути, были отторгнуты от такой власти. Такие ограничения, накладываемые на отдельные категории жителей полисов, а также рост населения показали, что власть народа с ростом его численности практически трудноосуществима. Кроме того, наличие в любом стабильном классовом обществе его предприимчивой части (рабовладельцев, феодалов, капиталистов, партийно-бюрократического аппарата при социалистическом строе, появившихся капиталистов и бюрократического аппарата при постсоциалистическом строе), которая обеспечивала свою избыточную жизнедеятельность за счет большинства населения [8], требовало учета в рамках демократии, прежде всего, ее интересов. Поэтому по мере становления сложившейся цивилизации общепринятое понимание термина «демократия» как власти именно народа было незаметно утрачено, и она стала отвечать в целом только интересам предприимчивой

части общества.

Вплоть до XX в. демократия предполагала, что полноправным гражданством при стабильной направленности социально-экономической сферы обладает меньшинство населения, а потому остальные фактически исключались из процесса реализации власти. Подтверждением этому является приведенное в Википедии определение демократии как «политического режима, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса или на его существенные стадии», при этом отмечается, что «хотя такой метод применим к любым общественным структурам, на сегодняшний день его важнейшим приложением является государство, так как оно обладает большой властью».

Поскольку при указанных подходах идеал народовластия оказался вообще практически не достижим, то предлагалось множество самых различных моделей квазидемократии. Так, например, до XVIII в. наиболее известной моделью была «прямая демократия», где граждане осуществляли свое право принятия политических решений непосредственно путем достижения консенсуса или с помощью процедур подчинения меньшинства большинству. В такой демократии граждане осуществляли то же право через избранных ими депутатов и других должностных лиц путем делегирования им части собственных прав, при этом выбранные руководители принимали решения с учетом предпочтений руководимых и обещали нести перед ними ответственность за свои действия [21].

Многовековой опыт использования указанной квазидемократии неопровержимо показал, что чем больше в ее рамках была концентрация власти в одних руках, тем выше оказывалась степень злоупотреблений и произвола при полном отсутствии ответственности за свои действия. Поэтому на протяжении всей истории человечества шли постоянные поиски путей устранения в этих условиях тенденций такого рода. Одна из наиболее рациональных идей, высказанная еще Аристотелем, состояла в разделе в рамках такой квазидемократии единой вла-

сти, на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную), которые должны были вверяться в разные руки.

Активными сторонниками и популяризаторами этой идеи, внесшими существенный вклад в ее разработку, были английский философ-просветитель, политический мыслитель и педагог Дж. Локк (1632-1704 гг.) и французский философ Ш. Л. Монтескье (1689-1775 гг.). Так, по мнению Дж. Локка, безусловный суверенитет народа, включающий его право на поддержку или свержение правительства, нарушающего законы, применительно к его времени мог быть реально обеспечен только обязательным отделением законодательной власти от исполнительной и судебной [13]. Конкретизируя эту тему для своего времени, Ш. Л. Монтескье писал: «Когда одному и тому же лицу или одному и тому же составу должностных лиц предоставлены вместе законодательная и исполнительная власти, тогда нет свободы, потому что может оказаться, что монарх или сенат будут издавать тиранические законы, чтобы тиранически исполнять их. Нет также свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена с исполнительной властью, судья обладал бы достаточной силой, чтобы сделаться угнетателем. Все было бы потеряно, если бы один и тот же человек, или корпорация высокопоставленных лиц, или сословие дворян, или, наконец, весь народ осуществляли все три вида власти: власть издавать законы, власть приводить их в исполнение и власть судить преступления и тяжбы частных лиц» [16]. Совершенно очевидно, что в рамках такой квазидемократии даже при наличии всеобщей выборности априорное предположение, о том, что ветви власти, составляющие единое целое и реализующие указанные выше функции государства, не станут договариваться друг с другом, а будут являться добросовестными оппонентами друг другу, выглядело исключительно наивным условием выполнения идеи разделения власти.

Тем не менее, не имея ничего лучшего на протяжении последней четверти XX в. весь мир характеризовался общей тенденцией распространения квазидемократии,

которую повсеместно и стали выдавать за демократию. Во многих странах она стала отождествляться с «либеральной демократией», которая, брала за основу честные, периодические и всеобщие выборы наделенных высшей властью лиц, в ходе которых кандидаты честно должны были бороться за голоса избирателей. Такие честные выборы предполагалось базировать на верховенстве права, которое, однако, обслуживало интересы предприимчивой части общества; на разделении власти на ветви, которые, однако, всегда составляли единое целое и реализовывали указанные выше функции государства, на конституционных ограничениях власти путем гарантий определенных личных или групповых свобод, которые, однако, никоим образом не меняли сущность государства, и т. п.

Внешние признаки квазидемократии отмечались и в целом ряде авторитарных режимов, в которых властью обладала только одна партия, обеспечивающая интересы предприимчивой части общества, а проводимая политика не зависела от предпочтений избирателей. Незначительные различия квазидемократии нивелировались общими для нее проблемами, к числу которых относятся сепаратизм, терроризм, миграция людей и т. п.

Естественно, что представление демократии в варианте «квазидемократии» отличалось исключительно высоким уровнем гомоморфизма и, по сути, ничего общего с народовластием не имело. В то же время следует заметить, что в основе понимания демократии как народного правления, также как и противоположного ей понятия «самодержавие», лежит общее для них понятие «власть», выступающая формой правления. Представляя собой «право, силу, волю над чем-либо; свободу действия и распоряжения, начальствование» [7, с. 226], власть во все времена базировалась на таком могучем материальном фундаменте, в качестве которого могла выступать только собственность.

Однако в условиях квазидемократии народ, который, по сути, является источником власти [12, ч. 1 ст. 3], был отторгнут от собственности, а стало быть, и от самой власти. Это привело к тому, что примени-

тельно к квазидемократии при любых общественных режимах собственность как экономический источник власти определялась либо как объекты собственности, либо как отношение определенных лиц к объектам собственности как к своим, как к принадлежащим им (первая часть), и соответственно — отношение всех других лиц к ним как к чужим, не принадлежащим им (вторая часть) [15, с. 479]. Такое урезанное экономическое представление собственности приобретало специфическую, но обязательную для всех при квазидемократии во времени, в пространстве и по кругу лиц ее правовую трактовку в виде права собственности. Оно включало в себя три правомочия собственников со специфическим их смысловым наполнением, буквально означало [6]:

«а) владеть, т. е. реально обладать;

б) пользоваться, т. е. извлекать выгоду, для которой имущество предназначено;

в) распоряжаться, т. е. определять его юридическую судьбу: продавать, дарить, сдавать в аренду, отдавать в залог и т. п.», а потому весьма односторонне отражали материальную основу власти предприимчивой части общества и делали ее исходной основой для злоупотреблений и произвола.

Отмеченная неопределенность в представлении собственности при квазидемократии компенсировалась ориентацией общества только на создание стабильных, определяющих среду сосуществования антагонистических классов общественных отношений, в которой, прежде всего, была заинтересована именно предприимчивая часть общества, имеющая в этих стабильных условиях гарантированную возможность получения прибыли за счет большинства. По этой причине такая стабильная направленность поддерживалась всеми известными течениями научной мысли, которые, по сути, отражали историческое движение не по ленинской спирали, а фактически только по кругу [19, с. 5].

Если в рамках квазидемократии власть предприимчивой части общества базируется на частной собственности, а применительно к России также и на формах собственности, то естественно предположить

что при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования народовластие должно базироваться на собственности народа на землю, являющейся средой обитания людей, с ее природными ресурсами, на средства производства и на частной собственности, оптимальное сочетание которых должно создать условия, в которых люди сами себя кормят, поят, одевают, сами заставляют себя работать, чтобы достойно жить.

Наличие граждан, выступающих в роли сособственников, определяет право их общей совместной собственности, которая приобретает статус публичной собственности, при этом каждый член общества становится сособственником народного достояния без выделения его доли. В публичной собственности право каждого сособственника не ограничивается какой-то конкретной частью общего имущества, а распространяется на всю землю и все имущество, в том числе и на доходы, которые оно приносит, и падающие на него обременения.

Поскольку публичная собственность принадлежит всему народу, то по отношению к другим странам она является односубъектной, и все другие государства как несобственники автоматически обязаны воздерживаться от совершения каких бы то ни было действий, препятствующих такому собственнику в осуществлении по его усмотрению его права публичной собственности.

Введение в рамках народовластия публичной собственности, как было отмечено, не исключает наличия частной собственности с ее социальным фактором. Поскольку и публичная собственность, и частная собственность в рамках демократии должны обладать равными правами при обеспечении наполнения бюджета страны, который используется в интересах и общества, и его предприимчивой части, а только «общее» или только «частное», по мнению профессора М. М. Агаркова, являются крайними, вырожденными случаями, то в условиях демократии появляется возможность установления их оптимального соотношения для максимизации наполнения бюджета.

Введение при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования публичной

собственности с ее ярко выраженной социальной направленностью и включение ее в эффективный хозяйственный оборот в интересах всего общества и его предприимчивой части с полным основанием позволяет говорить о ее конкурентоспособности по отношению к частной собственности, возможности более эффективного создания материальных благ для всего общества и каждого его члена, в том числе и для частных собственников, что, в общем-то, и наблюдается сегодня в Республике Беларусь. Изложенное с полным основанием позволяет сделать вывод о том, что публичную собственность можно рассматривать как частную, участвующую в хозяйственном обороте и имеющую максимальную социальную составляющую, где все граждане выступают в роли сособственников.

Введение новой материальной основы народовластия, безусловно, требует своего структурного уточнения. С учетом этого в

основу морфологического представления публичной и частной собственности следует положить понятие «структура», под которой обычно понимается совокупность некоторых элементов, групп элементов и отношений (связей) между ними. Как видно, это понятие объединяет в единое целое урезанно используемые при квазидемократии экономические представления собственности в виде или объектов собственности, или отношений к ним собственников и несобственников к объектам собственности, но требует дополнительной детализации в отношениях собственника $\frac{3}{4}$ народа, частных собственников и несобственников, которые по характеру отношений друг с другом будут делиться на две категории: несобственники в отношении которых отсутствует волеизъявление собственника и несобственников, в отношении которых есть волеизъявление собственника и есть согласия этих несобственников (рис. 1).

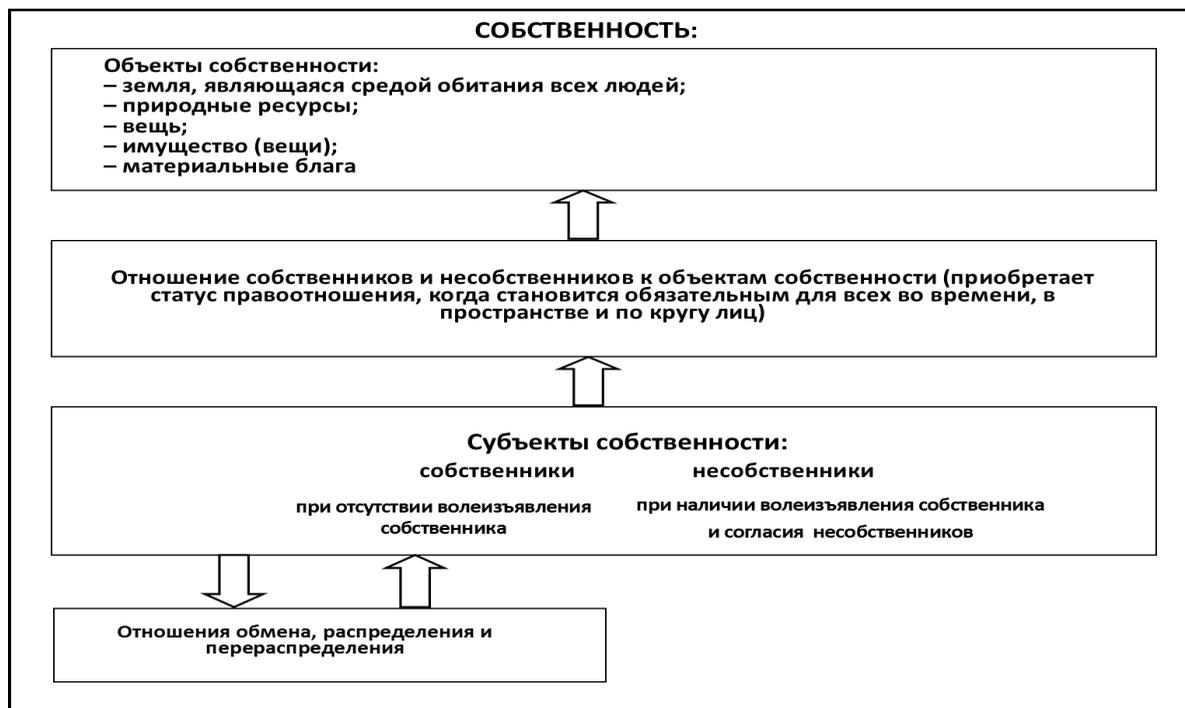

Рисунок 1 – Морфологическое представление собственности народа (публичной собственности) и предприимчивой части общества (частной собственности)

Полученное новое структурное экономическое представление публичной собственности определяет возможность взаимодействия субъектов и объектов публичной и частной собственности, что придает им эмерджентные свойства, которыми от-

дельно объекты и субъекты такой собственности не обладали. В рамках такого структурного представления отношения собственника – народа, частных собственников и несобственников к объектам собственности представляют собой некоторые отноше-

ния (функции, отображения, преобразования), определяющие характер использования объектов собственности, а именно:

- , т. е. иметь в своей собственности, называть объекты собственности по праву своими, непосредственно определять их юридическую судьбу;
- , т. е. получать, извлекать пользу из объектов собственности;
- (), т. е. создавать условия для извлечения максимально полезных свойств из объекта собственности без возможности изменять их юридическую судьбу;
- права третьих лиц;
- по содержанию объектов собственности ;
- за неисполнение обязанностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей;

- ;
- ;
- ;
- права собственников и третьих лиц;
- время по содержанию принадлежащих собственнику объектов собственности;
- за неисполнение обязанностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей;

- переданными ему собственником объектами собственности для наиболее полного удовлетворения потребностей собственника;
- переданными ему собственником объектами собственности для наиболее полного удовлетворения потребностей собственника;
- оговоренное с собственником время по содержанию переданных ему объектов собственности;
- права собственника и третьих лиц;
- за неисполнение обязан-

ностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей.

Предложенное структурное представление материальной основы народовластия – публичной собственности в полной мере исключает необходимость деления власти на ветви, поскольку использовать объекты публичной и частной собственности в интересах общества и его предприимчивой части могут работающие по найму на договорной основе специально обученные, высококвалифицированные специалисты, входящие в состав органов управления и социальных институтов. Использовать (пользоваться и распоряжаться (управлять)) такие объекты собственности, как показывает опыт «вождества» в Республике Беларусь, становится возможным при наличии волеизъявлении собственника – народа, частных собственников и при согласии таких органов управления и социальных институтов, что в полной мере может определяться не результатами выборов, а только квалификацией работников и договорными отношениями. Эти договорные отношения могут быть заключены собственниками с различными органами управления и социальными институтами, которые будут выступать в таких отношениях уже как несобственники. Поскольку пользоваться и распоряжаться (управлять) народным достоянием, по сути, должны только высококвалифицированные специалисты, то утверждение В. И. Ленина о том, что «каждая кухарка может управлять государством» оказывается несостоятельным. В этом плане практическая деятельность высшего руководства Республики Беларусь, которое уже сегодня использует народное достояние именно в интересах белорусского народа, получает четкое теоретико-правовое демократическое представление.

Таким образом, результаты, которые могут быть получены при ориентации на реальные меняющиеся условия хозяйствования при использовании общепринятого понимания демократии, основанного на оптимальном сочетании публичной и частной собственности, оказываются весьма сходны с частными результатами, которые достигнуты Республикой Беларусь при ста-

бильной направленности социально-экономической сферы с использованием в рамках государства элементов «вождества».

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – 635 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс в 2-х т. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 359 с.
3. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.
4. Бабосов Е. М. Основы идеологии современного государства. – Минск: Амалфея, 2004. – 351 с.
5. Васильев С. В. Право, политика, экономика на этапе становления правового государства в России: проблема взаимосвязи // Право и экономика. – 1998. – СПб. – с. 121 – 125.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь: [принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики Беларусь 19 ноября 1998 г.]. / Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А – З / В. И. Даль. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.
8. Домаков В. В., Чернолес В.П. Закономерность изменения эффективности жизнедеятельности общества в условиях вариации среды хозяйствования // Научное открытие в области экономической теории и теории права. Материалы заявки. – М. – СПб.: МААНОИ, 2008. – 40 с.
9. Дробязко С. Г. Политическая общесоциальная справедливость в праве как сущностная основа совершенствования правового законодательства // Право и демократия: сб. науч. тр. вып. 11.; отв. ред. В. Н. Бибило. – Мн.: БГУ, 2001. – с. 3 – 17.
10. Еллинек Г. Общее учение о государстве. / Вступительная статья докт. юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 752 с.
11. История государственного управления России. Учебник. / Отв. ред. В. Г. Игнатов. – Ростов на Дону: Феникс, 2002 – 608 с.
12. Конституция Российской Федерации (с изм. и доп. от 9.01.1996 г. N 2025; от 10.02.1996 г. N 173; от 9.06.2001 г. N 679; от 25.07.2003 г. N 841.). – М.: Юридическая литература, 1994. – 58 с.
13. Локк Джон. Два трактата о правлении // Локк Джон. Сочинения: В 3 т., Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
14. Лукашенко А. Г. Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент: доклад Президента А. Г. Лукашенко на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы. // Рэспубліка. – 29 сакавіка 2003 г. – 71 (3222).
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46, ч. 1. – М.: Госполитиздат, 1968. – 559 с.
16. Монтескье Ш. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
17. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для студ. вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция». – М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА*М, 1999. – 539 с.
18. Толстой Ю. К. Собственность и право собственности в условиях перестройки // Правоведение. – 1990. – № 4.
19. Хрестоматия по экономической теории; сост. Е. Ф. Борисов. – М.: Юристъ, 1997. – 536 с.
20. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. – М.: Омега-Л, 2008. – 384 с.
21. Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия / Пер под ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.